

Семиотика и семантика словной идиоматики как межкультурный феномен

© доктор филологических наук *В.И. Шаховский, 2013*

В статье раскрывается личное восприятие Вероники Николаевны Телия автором настоящей статьи. Особое внимание уделяется таким чертам ее характера, как глубокое проникновение в проблемы лингвистики, высокопрофессиональный анализ языковых явлений, особое знание русской фразеологии, ее чрезвычайная доброта и отзывчивость, высокая оценка заслуг своих коллег, готовность всегда прийти на помощь, поделиться своими научными работами и знаниями, ее сильная эмоциональная восприимчивость и терпимость к мнению других.

Образ В.Н. Телия как личности описывается на основании опыта многочисленных личных бесед автора настоящей статьи с ней, который глубоко благодарен В. Телия за то, что она была его научным консультантом по докторской диссертации.

Ключевые слова: добросердечность, дружелюбие, терпимость, отзывчивость, эмоциональная восприимчивость

В последние годы в разных публикациях все четче просматривается разграничение между традиционной лингвистикой и лингвистикой активной (по Р. Барту – «активная филология») [Барт 1999: 75]. Под активной филологией Р. Барт понимал филологию языковых сил, т. е. конкретные житейские ситуации речи и вербальное поведение языковой личности, их экспрессию и прагматику, т. е. языковые эффекты.

Особо активной лингвистикой в этом плане является лингвистика эмоций (эмотиология). Это объясняется тем, что она изучает аффективную культуру языкового общества, эмоциональную / эмотивную компетенцию *homo sentiens*, эмоциональные коммуникативные локусы, игру эмоциональных смыслов лексических и фразеологических средств языка как во внутрикультурном, так и в межкультурном общении. Этим перечнем проблематика лингвистики эмоций не исчерпывается [Шаховский 1995: 49-52]. Новейший аспект лингвистики эмоций, который разрабатывается в настоящее время наиболее активно, – это семантико-когнитивный аспект эмотивности [Вежицкая 1996: 326-375; Вежицкая 1999: 503-652; Гладь 2000; Исхакова 2012; Шаховский 2011].

Такой интерес лингвистов к взаимодействию эмоций и когниции обусловлен спецификой деятельности континуальной системы носителя языка, образование которой фактически и логически предшествует усвоению вербальной символики, в том числе и эмотивной лексики и фразеологии. Поскольку чувственный этап процесса познания мира человеком и себя в нём соотносится с деятельностью его эмоционально-

го мышления, понятно, что языковая система (рациональное мышление) выполняет по отношению к непрерывно конструируемому целому функцию кодирования внеязыковых концептов (в т. ч. и эмоциональных переживаний), функцию манипулирования ими через манипулирование вербальными смыслами и процессом их кристаллизации. Это обеспечивает целостность концептуальной системы эмоциональной языковой личности, оперирующей в своих речевых актах эмоциональными концептами (социальными и индивидуальными).

Являясь ценностным континуумом языка, категория эмотивности пронизывает все сферы жизнедеятельности человеческого бытия и в частности оказывается в центре проблемы понимания языковой личности [Shakhovsky 2000]. Любая человеческая деятельность обязательно имеет в своей основе эмоциональные переживания, которые привносят в лексику и фразеологию языка едва уловимую химическую субстанцию [Барт 1999: 181], варьирующую эмоциональные смыслы языковых знаков в различных коммуникативных ситуациях и их интерпретацию речевыми партнерами.

Объективация эмоционально-непосредственных смыслов может происходить в самом необычном материале – слове, камне, железе, холсте, красках, звуках [Волкова: 1997]. Эта мысль позволяет предположить, что категория эмотивности является общеметодологической для изучения различных контекстов культуры, поскольку базовые эмоции универсальны, общечеловечны. Существование типовых эмоционально значимых ситуаций человеческого общения, как внутри-, так и межкультурного, обуславливает возможность выявления общих эмоциональных тем общения: смерть, опасность, власть, любовь, секс и пр. (см., например, о любовном дискурсе [Барт: 1999]).

Общее эмоциональное пространство человечества предполагает существование инвариантного эмоционально–смыслового поля, которое кодируется и воспринимается в лексических и фразеологических знаках языков. Эти эмотивные знаки обеспечивают как внутри-, так и межкультурное общение *homo loquens* на эмоциональном уровне.

Отсюда становится понятно, что эффективность эмоциональной коммуникации полностью зависит от эмоциональной и эмотивной компетенции речевых партнёров, которая включает обширные знания об эмоциях, их функциях, знание эмотивного фонда своего и чужого языка, знание средств номинации, выражения и описания своих / чужих эмоциональных переживаний в контекстах конкретной культуры [Шаховский 2009].

Уже общеизвестно, что эмоции являются одним из таксонов культуры, и что их вербализация в различных языковых культурах не всегда совпадает по форме, объёму и качеству эмотивных смыслов. Всё мно-

жество эмотивной лексики и фразеологии конкретного языка передает национальную картину чувств, а определённая группировка эмотивных знаков по исходным эмотивным смыслам отражает глобальную эмоциональную картину этих чувств (см.: [Мягкова 2000]). Эти знания коммуникантов об эмоциях существенно влияют на их речевое поведение в обоих типах общения: внутри- и межкультурном.

Тема «межкультурная коммуникация» привлекает сегодня внимание многих исследователей из разных отраслей знания, и как предмет исследования она демонстрирует яркую противоречивость и вызывает оживлённую дискуссию в научной литературе [Леонтович 2002, 2007 и мн. др.].

Сегодня предпринимаются многочисленные попытки установить границы исследования межкультурной коммуникации. Так, указывается, что межкультурная коммуникация имеет место, если отправитель сообщения является носителем одной культуры, а получатель – носителем другой культуры. Но для определения межкультурной коммуникации этого будет недостаточно, необходимы еще и другие объективные критерии. Многочисленные исследования позволяют сделать вывод о том, что межкультурная коммуникация – это фактически *межличностная коммуникация* в контексте культур, т. е. в такой ситуации, когда один партнёр естественно обнаруживает культурное отличие от другого. И тогда получается, что лингвистика прошлого века ошибочно ограничивала рамки межкультурной коммуникации общением людей из разных стран или на разных языках.

Фактически же межкультурное общение – это не только это, но и общение людей внутри одной и той же страны, на одном и том же языке, это общение людей, отличающихся по возрасту, месту жительства, полу, профессии и т. д., т. е. по языковому «паспорту» говорящего. С такой точки зрения все участвующие даже в бытовой коммуникации будут межкультурными коммуникантами, ибо они все и всегда обладают разной культурной и человеческой компетентностью. Отсюда – перед активной (по Р. Барту) лингвистикой XXI века стоит проблема эффективности межкультурной коммуникации: а) внутри одного языкового сообщества; б) между разными языковыми сообществами, в т. ч. и в эмоциональных коммуникативных ситуациях.

Эмоциональное сознание говорящего субъекта требует эмоциональной рефлексии и её вербализации в лексических и фразеологических средствах языка. И те, и другие могут быть идиоматическими, если они не семантизируются вообще или семантизируются не полностью коммуникативным партнёром из другой культуры.

Компаративная методика изучения фразеологических коррелятов русского, английского и немецкого языков как языковых средств меж-

культурного эмоционального общения (а их введение в коммуникативный процесс уже свидетельствует об эмоциональной коммуникативной ситуации и о включении механизмов языковой игры) показывает, что лакунарными могут быть все семантические компоненты фразеологических единиц – коррелятов в разных языках.

Приведем несколько примеров:

- *cheap as dirt* (очень дешевый) ≈ *дешевле пареной репы*;
- *get smth. out of one's blood* (≈ *отрешиться от чего-либо*) ≈ *выбросить из головы*;
- *be in (find oneself in, get into) the wrong box* (≈ *быть (оказаться) в неловком положении*) ≈ *быть не в своей тарелке*;
- *keep (wrap) smb in cotton wool* (≈ *чрезмерно оберегать кого-то*) ≈ *держат кого-либо под стеклянным колпаком*;
- *when pigs fly* (≈ *никогда*) ≈ *когда рак на горе свистнет*.

Во всех этих и им подобных примерах расхождение в образах как внутренней форме ФЕ приводит к смысловым различиям в их эмотивной семантике, которые варьируют их денотативную семантику и вызывают у межкультурных коммуникантов различные эмоционально-образные ассоциации, но в пределах общего понимания денотативного смысла (см. также: [Телия 1996, гл. 3]).

Аналогичные процессы наблюдаются и при сопоставлении русского, английского и немецкого фразеондов. Например:

- *выпить* ≈ *заложить за воротник* ≈ *to crack the bottle* ≈ *eins zu legen*;
- *зазнаться* ≈ *задрать нос* ≈ *to grow too big for one's boots* ≈ *die Nase emgespannt*;
- *очень дорого заплатить за что-либо* ≈ *расплачиваться своей шкуркой* ≈ *to pay through the nose* ≈ *Haut zu Markte tragen*.

В этих межкультурных фразеологических параллелях при универсальности их денотативного значения различны образные внутренние формы, которые вызывают в эмоциональном сознании говорящих на разных языках различные эмотивные смыслы как основу их различных эстетических, экспрессивно-оценочных переживаний.

Надо отметить, что сфера эмотивной фразеологии в межкультурной коммуникации – это в принципе сфера лингвокультурных лакун за счёт эмотивных спецификаций национально-культурных образов. Этот тезис, как показывают исследования, справедлив и для многих словных эмотивов.

Анализ проблемы трансляции эмотивных смыслов на иностранный язык [Шаховский 1997; Шаховский, 1998: 58-69], а также анализ смыслов эмоциональных концептов А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999: 306-

404; Красавский 2001] позволяет утверждать, что к эмотивной фразеологии может быть причислена и эмотивная лексика, семантически непереводаемая, т. е. идиоматическая для иной культуры. Примером такой фразеологической лексики может быть для европейской культуры номинат русского эмоционального концепта «тоска», который может быть передан во французском языке группой транслем, каждая из которых никак не соответствует смысловому содержанию русского слова *тоска* и его синонимам *кручина*, *кручинушка*, *печаль*, *грусть*, *скука*, *томление*, *беспокойство* и др. Его словарный перевод *agnoisse* ближе к европейскому культурно-философскому понятию, которое в немецком языке обозначается словом *Angst*.

Специальное исследование показывает, что во французском языке нет нужного словного или сочетательного эквивалента, и для трансляции его эмотивных смыслов на французскую лингвокультуру используются разные слова [Димитрова 2001].

Так, например, в переводе произведения Н. Бердяева «Самопознание», в котором имеется параграф под названием «Тоска», на французский язык в каждом абзаце слово *тоска* транслируется по-разному. Это можно объяснить только тем, что эмотивное содержание этого русского слова прагматично для французов, и его отдельные конститутивные смыслы опредмечиваются в разных французских словах, даже совокупность которых методом сложения этих смыслов вряд ли воссоздаёт эмоционально-смысловое поле этого русского слова, опредмечивающее концепт «тоска».

С этих позиций почти каждое слово, обозначающее не артефакты, а, например, универсальные или национально-культурные ценности, не может иметь полный и адекватный набор (ни суммарный, ни суммативный) эмотивных смыслов во всех языках одинаково. А. Вежбицкая наглядно это показала через различные коллокации английского слова *friendship* и русского слова *дружба*. Эти различные коллокации как раз и вскрывают то, что практически все переводные словари являются в той или иной степени «ложными друзьями» студентов и переводчиков, так как они не фиксируют национально-культурные (и эмоциональные) смысловые различия. А это неизбежно приводит к коммуникативным неудачам (помехам и провалам) на уровне межкультурного общения, устного или письменного, реального или художественного. Именно этим фактом и объясняются многочисленные переводы одного и того же художественного произведения на один и тот же иностранный язык как все новые и новые попытки более точно протранслировать эстетическую информацию, формирующуюся идиоматическими эмотивными смыслами оригинала: (например, шагреновая кожа – кожа печали у Бальзака как смысловой конституент семантики слова *тоска*).

Резюмируя основные результаты данного исследования, повторим, что эмотивность как семантическая категория языка является межъязыковым смыслообразующим феноменом. Этот феномен опредмечен в лингвокультурных разновидностях эмотивных знаков, которые в большинстве своём *идиоматичны* и эмотиогенны (маркированы эмотиогенным характером знаний, опредмеченных в них) и которые должны входить в эмоциональную / эмотивную компетентность межкультурных коммуникантов как эмоциональных языковых личностей.

Полагаем, что когда В.Н. Телия пишет о едином методологическом основании анализа взаимодействия «языка» культуры с естественным языком в современной лингвокультурологии [Телия 1999: 19], то семиотический подход к рассмотрению феномена культуры может и должен иметь в виду и *эмотивную семиотику*. Всё это блестяще проиллюстрировано В.Н. Телия в её гениальном «Большом фразеологическом словаре русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий».

Словарь является оригинальным доказательством существования культурного кода языка и его фиксации во внутренней форме фразеологических единиц. Учитывая высказанное в данной статье мнение, что и слово, особенно для иноязычного *homo loquens*, фактически является идиомой, можно предположить с большой долей уверенности, что и любое слово является репрезентантом / экспонентом культурного кода языка. Экспликация культурного кода из фразеологических единиц языка, проведенная В.Н. Телия по разработанной ею методике и сформированной ею методологии, является лингвистическим открытием мирового уровня. Многолетние разговоры и дискуссии лингвистов разных стран о возможном существовании культурного кода получили подтверждение в словаре В.Н. Телия. Это открытие В.Н. Телия даёт реальные возможности для дальнейшего познания семиотических и семантических глубин всех языковых форм, в том числе и эмотивных.

Л и т е р а т у р а

1. *Барт Р.* Фрагменты речи влюблённого. М., 1999.
2. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2006.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
4. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
5. *Волкова П.С.* Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
6. *Гладьё С.В.* Эмотивность художественного текста: семантико-когнитивный аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2000.
7. *Димитрова Е.В.* Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру. Волгоград, 2001.

8. *Исхакова З.З.* Эмотивный дейксис и его декодирование в семиосфере. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2012.
9. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.
10. *Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002.
11. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. М.: Гнозис, 2007.
12. *Мяжкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск, 2000.
13. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
14. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические исследования фразеологического состава языка // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13-25.
15. *Шаховский В.И.* К теоретической и прикладной лингвистике эмоций // *Philologica*. Краснодар, 1995.
16. *Шаховский В.И.* О переводимости эмотивных смыслов художественного текста // Перевод и коммуникация. М., 1997. С. 138-152.
17. *Шаховский В.И.* Личностные эмотивные смыслы текста // Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998. С. 58–69.
18. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд., доп. М.: Либриком, 2009.
19. *Шаховский В.И.* Триада наук в новом направлении лингвистических исследований (становление эмотивной лингвоэкологии) // Образ мира в зеркале языка: Сб. науч. статей / Отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 198-205.
20. *Shakhovsky Victor I.* The Russian Language Personality and its Neologisms in Emotional Communicative Situations // *Imagination, Cognition and Personality*. Vol. 19 (2). Baywood Publ. Co. Inc. USA, 2000. P. 195-202.

SEMIOTICS AND SEMANTICS OF WORD IDIOMATICITY AS CROSS-CULTURAL PHENOMENON

V.I. Shakhovsky

Keywords: kindheartedness, friendliness, tolerance,
helpfulness, emotional intelligence

Abstract

The article presents the image of personal perception of Veronika Teliya by the author of the article. The following V. Teliya's traits of character are described and proved: her keen penetration into the depth of linguistics, her skillful analysis of the linguistics phenomena, special knowledge in the sphere of Russian phraseology, her extreme kind heartedness and broad friendliness to everybody, high evaluation of her colleagues, her readiness to help, to share her books and knowledge, her highest emotional intelligence and tolerance to other views and opinions.

The human image of V. Teliya is presented on numerous personal contacts of the author of this article, who is very grateful to V. Teliya for her scientific guidance of his doctoral paper.